

СТРАТЕГИИ СОЛИДАРНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ОБЩЕНИИ

Е. А. Руднева

Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Поступила в редакцию 15.02.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5

Цель исследования – выявить стратегии лингвистической вежливости, используемые в спонтанном коммуникативном взаимодействии внутри конкретного коллектива. Проанализированы фрагменты аудиозаписей общения среди друзей-подростков. Применяется интеракционный подход, предполагающий опору на модели социального лица И. Гофмана и лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона, использование этнографических методов сбора данных и разговорного анализа. На конкретном материале продолжается обсуждение гендерной и возрастной специфики реализации стратегий вежливости и коммуникативных стилей. Выявляются такие стратегии достижения солидарности, как подтрунивание и групповые шутки, когда участники по очереди добавляют детали с целью усиления комического эффекта; ритуальные оскорбления среди друзей, на которые не обижаются, в частности придумывание прозвищ; ритмизация коммуникации, доходящая до спонтанного стихотворчества. В случае просьбы отмечаются следующие стратегии и средства ее осуществления: повторение слов, как буквальное, так и с вариациями; маркер вежливости «пожалуйста» и его жаргонный эквивалент «паже»; уменьшение величины одолжения; использование маркеров внутригрупповой идентичности («по-братски»); поддержка друзей: предложение помощи и шуточная угроза; языковая игра (рифма и намеренное искажение фонетического облика слова); увеличение громкости и просодическое выделение, которые выражают общее эмоциональное состояние. Участники общения экспериментируют с коммуникативными стратегиями, иногда доводя степень их выраженности до грани в своего рода перформансе. Более экспрессивная и игровая реализация стратегий солидарности является, можно предположить, чертой подросткового стиля коммуникации. Таким образом, материал демонстрирует локальную культурную (а также возрастную) специфику реализации универсального механизма коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая вежливость, стратегии солидарности, разговорный анализ, подтрунивание, ритуальные оскорбления, молодежный сленг, коммуникация подростков

1. Введение

Статья продолжает исследовательскую линию, обозначенную ранее — изучения стратегий и средств вежливости, используемых внутри коллективов, в частности, рабочих (Руднева, 2016; 2019) или семейных

(Rudneva, 2019). В то время как опубликовано множество кросс-культурных работ по вежливости в разных языках (материалом для которых, как правило, служили данные, полученные в ходе анкетирования), существует сравнительно мало исследований, анализирующих спонтанное коммуникативное взаимодействие в конкретных группах.

Кроме того, статья продолжает традицию изучения закономерностей коммуникации среди мужчин или женщин, только в данном случае речь пойдет о друзьях-подростках. Для этого используются методы лингвистической антропологии: анализ аудиозаписей, а также интервью с участником событий. В статье описываются стратегии *солидарности*, направленные на поддержание *социальных лиц* участников (Goffman, 1967) и их внутригрупповой идентичности, используемые друзьями-одноклассниками. Выбранные методы, а также опора на модель П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson, 1987) вписываются в так называемый *интеракционный* подход к изучению вежливости, о котором речь пойдет в следующем разделе.

2. Интеракционный подход к изучению вежливости

В основе *интеракционного* подхода к изучению вежливости — анализ записей естественной спонтанной коммуникации и интерес к тому, как значение конструируется во взаимодействии (Grainger, 2011, p. 171–172). Данный подход существенно опирается на принципы лингвистической антропологии, предпочитающей максимально возможный учет социокультурного контекста. В качестве основного метода работы с материалом аудио- или видеозаписей используется *конверсационный анализ* (см., напр.: Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Jefferson, 2004; Корбут, 2015). Пошаговый анализ взаимодействия обнаруживает, что высказывания в цепочке реплик зависят друг от друга и что каждая последующая реплика не только выстраивает диалог, но и может менять интерпретацию предыдущих коммуникативных шагов (Arundale, 2013, p. 22).

При этом для ряда работ так называемой *третьей* волны изучения вежливости в рамках интеракционного подхода, характерен возврат к модели Браун и Левинсона или использование ее элементов (Haugh, 2007; 2015; Kádár, Haugh, 2013; O'Driscoll, 2007; Terkourafi, 2005). Хотя нет нужды и возможности здесь подробно описывать модель Браун и Левинсона (Brown, Levinson, 1987), хотелось бы все же остановиться на некоторых ее важных компонентах, среди которых *социальное лицо*. По И. Гофману, это системное понятие, модель, основанная на обобщении поступков конкретного человека и стереотипах, конструкт, создаваемый в процессе взаимодействия (Goffman, 1967). Браун и Левинсон выделили в нем два взаимосвязанных компонента: *негативное социальное лицо*, которое отражает стремление человека охранять свою социально-психологическую территорию от посягательств других людей и связано со свободой действий; *солидарное*, или *позитивное, социальное лицо*, кото-

рое обусловлено потребностью человека в одобрении другими людьми (Brown, Levinson, 1987, p. 61 и сл.)¹.

В процессе взаимодействия неизбежны ситуации, несущие угрозу социальным лицам участников, например просьба или приглашение, когда существует риск отказа. Для смягчения этой угрозы используются стратегии *лингвистической вежливости*, которые реализуются при помощи различных языковых и неязыковых средств. С помощью средств *негативной вежливости*, которая включает формальные, этикетные выражения, принятые в данном обществе, говорящий показывает, что уважает свободу действий собеседника. *Позитивная вежливость* направлена на демонстрацию близости участников коммуникации и «во многом просто отражает нормальное языковое поведение близких людей» (Ibid., p. 104). В англоязычной литературе встречаются альтернативные термины: для позитивной вежливости — *solidarity politeness* ‘вежливость солидарности’ (Scollon, Scollon, 1981, p. 175); *community politeness* ‘внутригрупповая вежливость’ (Tannen, 1981, p. 385); *involvement strategies* ‘стратегии включения’ (Scollon, Scollon, 2001, p. 46–48), для негативной вежливости — *deference politeness* ‘вежливость почтения’ (Scollon, Scollon, 1981); *strategies of independence* ‘стратегии выражения независимости’ (Scollon, Scollon, 2001, p. 46–48), в русскоязычных работах — стратегии *дистанцирования* и *сближения*, *вежливость почтения* и *солидарности* (Ларина, 2009). В настоящей статье отдается предпочтение термину *стратегии солидарности*, так как он в большей степени отражает суть коммуникативных усилий, направленных на создание и поддержание внутригрупповой идентичности.

В логике модели Браун и Левинсона, в работах по вежливости третьей волны зачастую анализируются ситуации, в которых угроза социальным лицам участников выражена более явно: например, это сообщение пациентам плохих новостей, неудачи межкультурной коммуникации или выражение несогласия (Grainger 2011), просьбы (Kádár, Naugh, 2013, p. 116–119). Н. Гейер анализирует опасный дискурс несогласия на совещании японских преподавателей по поводу плохого поведения ученика (Geyer, 2008). Описывая работу по поддержанию социальных лиц в конкретной группе (*community of practice*), автор показывает, как во взаимодействии проявляются два аспекта человеческой коммуникации — *солидарность* и *независимость* (Ibid., p. 189).

¹ В некоторых работах интеракционная модель коммуникации выстраивается в большей степени вокруг конструирования социального лица и в меньшей — с опорой на модель вежливости. Так, Р. Арандэйл делает акцент на динамической составляющей социального лица, показывая, как оно конструируется в процессе взаимодействия всеми участниками и как зависит от отношений между ними. Основной вопрос, на который отвечает его *теория конструирования лица*: «Как участники создают социальные лица в повседневном общении?». В частности, интересен анализ конструирования социального лица через *поправки* и *самопоправки* (Arundale, 2010, p. 2097–2102).

Поскольку статья посвящена взаимодействию юношей, можно предположить, что часть выявляемых особенностей связана не только с подростковым, но и с мужским коммуникативным стилем. Эти взаимосвязи в любом случае относятся к социокультурному уровню и так или иначе затрагивают проблематику соотношения вежливости и гендера, которой посвящен следующий раздел.

3. Вежливость и гендер

Помимо статической составляющей (идентичность, социальный статус, «выученный» в ходе социализации), гендер представляет собой *динамический процесс, практику*, то, что люди говорят и делают (Martin, 2003, p. 342), то есть можно говорить о «перформативности» гендера (Батлер, 2000). Гендерная идентичность конструируется в процессе взаимодействия, а «не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность»; гендер — это то, «как *вы себя ведете и что вы делаете в определенной ситуации*»; это «неопределенная переменная», «характеристики которой уточняются временем, пространством, культурным контекстом» (Антология... 2000, с. 300). Во взаимодействии невольно, а иногда более осознанно, воспроизводятся культурные сценарии и стратегии (Ridgeway, 2004) — *практикование* гендера (Martin, 2003) в той или иной степени неизбежно. Оно осуществляется в разных формах, поэтому скорее следует изучать *практикование феминности(eй) и маскулинности(eй)* (Ibid., p. 354).

Существует пласт лингвистических работ, где описываются особенности мужской и женской речи (см., напр.: Lakoff 1973; Tannen, 1990; Holmes, 2006; Земская, Китайгородская, Розанова 1993; см. обзор в: West, Lazar, Kramarae, 1997; Кирилина, Томская, 2005). При этом взаимосвязь между особенностями речи и гендером во многом обусловлена социально-культурными установками и ролями. Так, представители обоих полов используют как «мужские» (маскулинные), так и «женские» (феминные) стратегии, а основная разница заключается в их оценках окружающими (Martin, 2003, p. 360). Стереотипы о вежливом и невежливом поведении в том или ином сообществе неизбежно связаны с гендером (Mills, 2003, p. 202; Mullany, 2006). Как отмечает С. Милз, вежливость «ассоциируется с поведением среднего класса», причем именно с «почтительностью, которая зачастую ассоциируется с отсутствием власти и заботой о других, которые связаны с представлениями о *феминности*» (Mills, 2003, p. 205).

Мужской и женский коммуникативные стили можно изучать на примере конкретных групп (West, Lazar, Kramarae, 1997, p. 130–135), не распространяя результаты на всех мужчин и женщин. Так, М. Гудвин провела обширное исследование того, как организовано спонтанное общение афроамериканских детей на детской площадке (Goodwin, 1990). Оказалось, что дети в столь раннем возрасте уже воспроизводят соответствующие модели поведения: девочки используют больше косвенных стратегий и смягчений, а мальчики стремятся больше командовать и не подчиняться.

4. Материал и методы настоящего исследования

Материал исследования составили аудиозаписи, сделанные подростком среди друзей, учеников 7-го класса (в течение 2 часов, во время перемен и после уроков). Он предварительно спрашивал у одноклассников, согласны ли они на запись в принципе. Кроме того, у меня была возможность задать вопросы этому юноше, чтобы понять, что именно происходит на записях. Все имена изменены. В настоящей статье анализируются несколько фрагментов и делаются обобщения касательно коммуникации в данной группе.

При составлении транскрипции используются принципы конверсационного анализа (см., напр.: Jefferson, 2004). Выбранные фрагменты анализируются с точки зрения организации последовательности и реализации стратегий лингвистической вежливости, с учетом социокультурного контекста — таким образом, применяется интеракционный подход, описанный выше.

В процессе работы с естественным материалом встает методологическая проблема интерпретации речевого действия как угрожающего социальном лицу собеседника или, наоборот, поддерживающего его социальное лицо. В частности, это касается оскорблений, которые в некоторых случаях оказываются «ритуальными» (Labov, 1972), и подтрунивания, которое находится на грани между тем, что приемлемо, и тем, что будет воспринято как грубость (Sinkeviciute, 2017, p. 175–176). Антропологи и лингвисты, изучающие такого рода феномены, сходятся в том, что ключевую роль в интерпретации следует отвести реакции собеседников (Ibid., p. 175–176; Radcliffe-Brown, 1940, p. 195; Haugh, 2014, p. 78). С другой стороны, иногда вспомогательным методом может стать интервью, когда участникам взаимодействия задаются вопросы, в том числе и те, которые касаются их оценки событий. Здесь мы, однако, рискуем попасть в методологическую ловушку: во-первых, такая оценка может меняться со временем; кроме того, как нам известно из этнографической практики, то, что люди говорят на интервью, иногда отличается от действительности. Поэтому самым логичным выходом представляется основывать исследовательские интерпретации прежде всего на реакции участников коммуникации. Впрочем, иногда оказывается бесполезным ориентироваться и на информацию, полученную в ходе интервью.

Следует подчеркнуть, что выбранный подход носит принципиально качественный характер, когда для демонстрации феномена достаточно и одного случая. При этом на его основании могут быть сделаны выводы более общего плана. В этом смысле статья не претендует на исчерпывающее описание всех стратегий вежливости, используемых в данном коллективе. Однако рассматриваемые фрагменты позволяют продемонстрировать локальную и культурную (а также, как можно предположить, возрастную и гендерную) специфику реализации универсального механизма.

5. Стратегии вежливости в случае просьбы

Фрагмент 1²

- 01 Р: Вить давай показывай!
 02 свой пресс <давай-давай!>
 03 В: у меня нет пресса, у меня есть ноги. у меня есть
 04 [икры
 05 Н: [у:
 06 Р: покажи банки!
 07 П: дай мне пожалуйста! и еще одну
 08 В: нет!
 09 В: на жизнь, на жизнь хватает
 10 Р: смотри
 11 В: не, чиста чиста на [жизнь хватает!
 12 В: [вы офигели бабы полпачки сожрали!>
 13 Р: полпачки! у кого полпачки?
 14 кто мне полпачки пожертвует ((смеясь))?
 15 Е: ((смеется))
 16 П: Боря! отворачивайся! ((жуя))
 17 Р: стой! дай! дай дай паже!
 18 В: не! ((жуя))
 19 Р: ну чу-
 20 В: не! ((жуя))
 21 Р: одну! ну ОДНУ!
 22 В: НЕНЕНЕ!
 23 М: Родя [у меня булочка сохранилась!
 24 Р: [да ПА:ЖЕ:!
 25 В: (???) [((жуя))
 26 Р: да ОДНУ!
 27 М: у меня булочка с: малиной сохранилась!
 28 Р: да по-братски, одну!
 29 В: дай пас! да! ((хлопает))
 30 Р: одну! ну пожалуйста! ну пожалуйста!
 31 В: ПАЦАНЫ ГАСИТЕ СВЕТ, зажимаем Борю!
 32 Р: ну можно одну ну пожалуйста! по-бротски!
 33 [((шуршит упаковка))
 34 [Р: по-флотски!
 35 за***сь!

² В транскрипции используются следующие обозначения, традиционные для конwersационного анализа:

- [пересчитал
- [самые — наложение высказываний
- . — нисходящая интонация завершения высказывания
- , — интонация продолжения, перечисления
- ? — интонация вопроса
- ! — интонация восклицания
- ОДНУ — произносится громче окружения
- десять — интонационное выделение звуков
- де:ся:ть — растягивание звука
- <давай-давай!> — произносится быстрее окружения
- девя- — оборванное слово
- ((смеется)) — невербальные действия
- (???) — неразборчивая речь

Молодые люди находятся в мужской раздевалке и одна из обычных практик коллективной маскулинности в данной ситуации — демонстрация мышц. Р. обращается к В. с прямой просьбой, реализованной с помощью императива и частицы *давай* (1), которая затем повторяется дважды в ускоренном темпе (2). В. совершает искомое действие, но при этом решает обезопасить свое социальное лицо, снизив риск неудачной демонстрации (3–4). За просьбой Р. показать еще одну группу мышц — «банки» (6) — также следует демонстрация и шуточный комментарий В., что ему «на жизнь хватает» (в смысле, этих мышц) (9), «чиста на жизнь хватает» (11).

В реплике 7 представлена просьба П. угостить печеньем, за которой сразу идет еще одна аналогичная: первая, очевидно, была удовлетворена (что очевидно из формулировки «и еще одну»), за второй следует отказ без смягчения, по крайней мере вербального. Далее Б. возмущается тем, сколько печенья у него съели, при этом он использует стилистически сниженные единицы «офигели», «сожрали» и обращение «бабы» (12). Таким образом, всеобщее внимание привлекается к лакомству, счастливым обладателем которого является Б.

Р. оформляет просьбу как вопрос, обращенный к группе людей, используя языковую игру «полпочки» (13–14). За шуткой следует предпочтительная реакция — смех друга (15), однако директивный компонент остается вообще без ответа. П., жуя первое печенье, пробует еще одну стратегию достижения результата — побудить обладателя желаемого отвернуться (16). После этого Р. начинает серию просьб, обращенных к Б., применяя различные средства и стратегии вежливости (17, 19, 21, 24, 26, 28, 30, 32, 34). Первая попытка представляет собой прямые речевые акты с привлечением внимания и сленговой единицей «паже» (17). Она происходит из письменного сокращенного варианта *пожалуйста* «пж», произносимого в речи как «паже», с ударением на второй слог (как «эспээс» — «спс» — *спасибо*). Получая отказы, Р. уменьшает величину одолжения: «ну чу-» (собираясь сказать что-то вроде «чуть-чуть») (19), «одну» (повторяется дважды, во второй раз с увеличением громкости (21)). Интересно, что за этим следует отказ, состоящий из трехкратного «не-не-не», что, вероятно, демонстрирует категоричность, а кроме того, поддерживает игру. Несмотря на это, Р. не сдаётся и снова повторяет с увеличением громкости «да паже» (24) и «да одну» (26, 28), добавляет слово, эксплицитно указывающее на принадлежность к одной группе — «по-братски» (28).

Поддержка друзей проявляется, во-первых, в том, что М. предлагает другое угощение (27) (стоит отметить, что на это никак не реагирует Р.). Во-вторых, В. подключается к разговору с шуточной угрозой (31)³. Интересно, что в следующий раз Р. произносит «пожалуйста» полностью, с частицей «ну», усиливающей просительность, опять-таки дважды;

³ Как рассказал участник, «дай пас» в 29 относится к другому диалогу, а в 31 В. уже присоединяется к Р.

кроме того, добавляется фонетически искаженное «по-бротски» (32). Нельзя точно сказать, оказывается ли эта стратегия самой эффективной или количество перешло, наконец, в результат. Уже шурша упаковкой, Р. произносит «по-флотски» — с одной стороны, созвучное его предыдущему слову, а с другой — также демонстрирующее представления о солидарности (34). В 35 наблюдается ответная реакция на получение желаемого — таким образом здесь занимается место, где обычно ожидается благодарность.

Добавлю, что стратегия повтора (с увеличением громкости), представленная в этом фрагменте, зафиксирована в речи данного участника и в других случаях (при этом повторы встречаются и в других контекстах, напр. выше «не-не-не»). Насколько данную стратегию можно считать групповой или индивидуальной — пока открытый вопрос. Для демонстрации многократности повтора в случае просьбы хотелось бы привести пример, когда слово «дай-ка» Р. повторяет 14 раз, а именно до тех пор, пока не достигнут перлокутивный эффект — друг делится телефоном. Что касается фонетического оформления, сначала «дай-ка» произносится отчетливо, а затем превращается в [дакэдакэд-экэ], то есть сильно редуцируется.

Как мы видим, здесь более ярко проявляется игровая составляющая коммуникации. Р. как будто бы доводит реализацию коммуникативных стратегий до предела, экспериментируя с тем, что дозволено в кругу друзей, повышая и выражая эмоциональность общения. Его друзья, в свою очередь, поддерживают эту игру, сокращая тем самым дистанцию между собеседниками, способствуя объединению коллектива и созданию дружеской атмосферы.

6. Групповые шутки

Одной из важных практик по поддержанию групповой идентичности являются совместные шутки. Их организация подчинена определенным закономерностям: каждый участник общения продолжает шутку, добавляя деталь, обычно более ярко выраженную. Это может быть подтрунивание над кем-нибудь из компании или просто шутки на тему, связанную или не связанную с предыдущей темой разговора или ситуацией.

Фрагмент 2

- 01 Р: у меня ДЕВЯНОСТА пять слов
 02 я пишу МИНИМУМ потому что.
 03 М: чтоб-
 04 Р: чтобы ошибок не собрать
 05 В: так а минимум это сто
 06 Р: минимум сто но:
 07 М: <минимум девяноста>
 09 Р: не плюс минус-
 08 В: а: тридцать процентов
 10 Р: не плюс-минус десять процентов, а десять процентов от ста

- 11 это де:ся:ть, а десять- а сто минус десять это девяноста:,
12 у меня еще пять слов в запасе и я три раза
13 [пересчитал-
14 М: [самые- самые лютые танцы на корпоративе у бати
15 Р: тот самый чел который-
16 М: вот так вот так это самые лютые танцы
17 [на корпоративе ((смеется))
18 Р: [тот самый чел который написал на: девят-
19 на восемьдесят девять-
20 М: это Петя написал на восемьдесят девять
21 Р: на восемьдесят девять и пять
22 М: он написал на восемьдесят девять.
23 Р: и пять слов
24 М: не не не и еще вот вот так положил руку на колено
25 самые лютые на сва:дьбах на корпоративах,
26 все так танцуют
27 Р: когда на свадьбах(???)
28 М: ((смеется))
29 В: делаешь вот [так]
30 М: [или]
31 В: и все нормально
32 М: и еще еще обычно дед так
33 [делает]
34 Р: [еще] вот так вот
35 М: тынц тынц ((смеется))
36 В: и делает вот так
37 М: и вот так вот
38 телом телом
39 Р: и вот так вот
40 М: ((смеется))
41 Р: и <еще так на нас смотреть> на всех
42 М: ((смешок)) руки в боки
43 В: а и выпивать что-нибудь

В начале фрагмента идет обсуждение объема эссе по английскому, Р. рассказывает про то, сколько слов он обычно пишет и почему. В 13–14 наблюдается наложение реплик, когда М. вводит новую тему для шуток, а Р. еще продолжает рассуждать про свои подсчеты. Как мне рассказали, М. здесь демонстрирует однообразные движения одной ногой. Предмет шутки — противопоставление манеры танцевать у детей и родителей, и шире — двух возрастных групп, двух поколений. Это противопоставление двух поколений важно для формирования подростковой идентичности и осуществляется через различные практики.

В 18–23 продолжается обсуждение количества слов в эссе, то есть пока не все участники готовы осуществить смену темы. Здесь особенность молодежного сленга представлена на уровне грамматики — повторяющийся, узнаваемый шаблон «тот самый чел, который...» (18). Это одна из шаблонных конструкций, пришедших изначально из письменного дискурса Интернета, используемых для подписи мемов и видео (среди других вариантов можно привести «когда Х...», «Х, который...»). М. слегка подтрунивает над их общим другом Петей, который написал (или якобы написал) эссе в 89 слов.

После более явного завершения этой темы происходит переход к танцевальной. Шутку М. подхватывают и развивают друзья. В 29–43 наблюдается подшучивание по очереди или, можно сказать, совместное создание шутки, когда каждый участник добавляет деталь и все получают удовольствие от совместного творчества. Кроме того, в данном случае коммуникация наиболее явным образом превращается в перформанс, который включает общий ритм взаимодействия и нарочитые движения телом.

Здесь хотелось бы прокомментировать теоретический аспект соотношения шутки и вежливости. В узком понимании модели Браун и Левинсона, лингвистическая вежливость включает языковые и неязыковые средства, используемые при реализации опасных речевых актов. В этом смысле пошутить перед тем, как обратиться с просьбой, будет стратегией позитивной вежливости (Brown, Levinson, 1987, p. 101–128). В более широком смысле вежливость, по Браун и Левинсону, представляет собой механизм поддержания социальных лиц, регулятор баланса в коммуникации между соблюдением дистанции и проявлением солидарности. С этой точки зрения, в зависимости от контекста, любая шутка может быть отнесена к стратегиям вежливости. Групповые шутки описаны для мужского рабочего коллектива, где они также играют важную роль в поддержании отношений (Руднева, 2019).

7. Ритуальные оскорбления как стратегия солидарности

Самой известной работой, посвященной ритуальным оскорблениям, является исследование У. Лабова, выполненное на материале коммуникации афроамериканцев (Labov, 1972). Здесь, как я писала выше, принципиальна реакция собеседника: человек, которого оскорбляют, относится к этому как к шутке. Данный феномен остается неизученным (или малоизученным) на русскоязычном материале. Ниже приводится фрагмент, который организован как раз вокруг оскорблений, а именно, придумывания прозвищ для участников команды:

Фрагмент 3

- 01 Р: мы тебя, мы с Михеем тебя петухом окрестили!
 02 петухом! петухом!
 03 (???)
 04 А: баран! а ты баранина!
 05 Р: не! смотри! смотри наша команда, два алкаша, петух,
 06 А: баран,
 07 Р: староста, два алкаша, э петух, староста
 08 А: баранина,
 09 Р: кир- кирка, и курильникова!
 10 (???)
 11 Р: два алкаша ((с усмешкой))
 12 М: два алкаша, петух, курильникова, староста и кирка!
 13 дениально!
 14 Р: еще раз!
 15 М: <два алкаша, петух, курильникова, староста и кирка>

- 16 за***ись компания! все починим и найдем,
17 Р: ((смеется))
18 рас***рим мы вам дом!
19 Р: ((смеется))
20 М: ((смеется))
21 Р: Михай, ну ты гений ((смеясь))

Как рассказал один из участников беседы, речь идет о команде шести одноклассников. Трое из них — участники диалога М., Р., А. — подростки, которые близко дружат, входят в одну компанию. В команду также включены три девушки, одна из которых староста, с чем связано и соответствующее прозвище с ударением на второй слог.

Фрагмент начинается с того, что к А. обращается Р. и сообщает ему придуманное прозвище внутри команды (1). Здесь нужно отметить интонационное оформление, которое можно было бы описать как «радостно-восторженное». Р. еще два раза повторяет прозвище (2). За этим следует неразборчивая речь, но скорее всего, это другие разговоры на заднем плане (запись сделана во время перемены). Важно, что сначала А. реагирует ответным оскорблением: «баран! а ты баранина!» (4). В ответ Р. поправляет друга, торопясь перечислить все прозвища (5, 7) и показав тем самым, что они придуманы для всех и не с целью обидеть. Сам он, получается, входит в команду под ником «алкаш». Интересно, что А. пробует включить в этот ряд и придуманное им прозвище для Р. (6). Одно из прозвищ представляет собой искаженное имя девушки, второе созвучно другой женской фамилии, третье связано с социальной ролью — «староста» с ударением на втором слоге. Три прозвища юношей являются нарицательными существительными, которые в других контекстах могли бы оказаться оскорбительными. Предложенный А. вариант, который он повторяет в 6, Р. оставляет без ответа. Затем происходит еще одно повторение всех прозвищ: начинает Р. (11), а подхватывает М. (12), который, по-видимому, очень доволен происходящим (воскликает «гениально», 13). После побуждения Р. «еще раз», М. повторяет перечисление, в ускоренном темпе (15), а затем сочиняет девиз, используя ненормативную лексику (16, 18). За этим идет смех обоих друзей (17, 19, 20) и комплимент творению М. (21).

Почему оскорбления носят здесь именно ритуальный характер? Мы об этом можем судить, исходя из просодического оформления, а также последующей реакции — смеха, который можно назвать доброжелательным. Кроме того, такая интерпретация подкрепляется материалом интервью. Любопытно, что оскорбления оказываются достойны только самые близкие друзья, члены компании, а прозвища девушек имеют другое происхождение. Ритуальное оскорбление можно отнести к стратегиям позитивной вежливости, по Браун и Левинсону, куда относятся шутки и использование любых маркеров внутригрупповой идентичности (Brown, Levinson, 1987, p. 101–128). Таким образом, сам жанр можно отнести к практикам солидарности.

Весь разговор опять-таки базируется на общем ритме и мелодике, которые связаны с эмоциональным состоянием участников. Апофеозом ритмизации, повторяющегося удара, оказывается элементарное стихотворчество (16, 17), вызывающее совместный смех (18, 19) и восторг друга (20).

8. Заключение

К выявленным стратегиям солидарности, используемым внутри данной группы друзей-подростков, относится подтрунивание друг над другом и групповые шутки, когда участники по очереди добавляют детали с целью усиления комического эффекта. Это становится интеракционным механизмом, позволяющим вместе создавать шутку, поддерживая тем самым внутригрупповую идентичность. Другая описанная практика — ритуальные оскорбления, в частности придумывание прозвищ, на которые не обижаются участники коммуникации. Солидарность также проявляется через общую ритмическую организацию диалога, которая может доходить до спонтанного стихотворчества.

В ситуации более проявленной угрозы социальному лицу участников, а именно в случае просьбы, выявлены следующие стратегии и средства ее реализации и смягчения: повторение слов — как буквальное, так и с вариациями; маркер вежливости «пожалуйста» и его жаргонный эквивалент «паже»; уменьшение величины одолжения; использование маркеров внутригрупповой идентичности («по-братски»), шуточная угроза со стороны другого участника, языковая игра (рифма и намеренное искажение фонетического облика слова), увеличение громкости, просодическое выделение, которые выражают экспрессивность и эмоциональное состояние. Некоторые выявленные стратегии могут осуществляться на протяжении нескольких обменов репликами: переадресация просьбы (в частности, сначала обратиться к группе, а затем к конкретному человеку); многократное повторение, в том числе с выразительными просодическими вариациями.

В статье продемонстрирована роль игровой составляющей коммуникации: собеседники экспериментируют с коммуникативными стратегиями, иногда доводя степень их выраженности до грани. Положительная реакция друзей на эти эксперименты (которые в других контекстах могли бы быть восприняты негативно — например, как унижительное «выпрашивание») сокращает дистанцию между участниками общения и способствует объединению коллектива. Важным оказывается не столько осуществить просьбу и получить искомое действие, сколько обыграть ее всем вместе, участвуя в своего рода перформансе. Можно предположить, что более экспрессивная и игровая реализация стратегий солидарности является чертой подросткового стиля коммуникации.

Благодарности. Выражаю благодарность Роману Рудневу за сбор материала и Виктории Борисовне Гулиде за ценные замечания.

Список литературы

- Антология гендерной теории / сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск, 2000.
Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск, 2000. С. 297 — 346.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. №2 (23). С. 22–43.

Корбут А.М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, №1. С. 120–141.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Руднева Е.А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. №30. С. 215–242.

Руднева Е. Подтрунивание как стратегия вежливости // Антропологический форум. 2019. №41. С. 97–120. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-97-120.

Arundale R. Constituting face in conversation: face, facework and interactional achievement // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42, №8. P. 2078–2105. doi: 10.1016/j.pragma.2009.12.021.

Arundale R. Conceptualizing 'interaction' in interpersonal pragmatics: Implications for understanding and research // Journal of Pragmatics. 2013. Vol. 58. P. 12–26. doi: 10.1016/j.pragma.2013.02.009.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Geyer N. Discourse and politeness ambivalent face in Japanese. L. ; N. Y., 2008.

Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // Goffman E. Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. N. Y., 1967. P. 5–46.

Goodwin M.H. He-said-she-said: Talk as social organization among black children. Bloomington IN, 1990.

Grainger K. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts // Discursive approaches to politeness / ed. by Linguistic Politeness Research Group. Berlin ; Boston, 2011. P. 167–188.

Haugh M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative // Journal of Politeness Research. 2007. Vol. 3, №2. P. 295–317. doi: 10.1515/PR.2007.013.

Haugh M. Jocular mockery as interactional practice in everyday Anglo-Australian conversation // Australian Journal of Linguistics. 2014. Vol. 34, №1. P. 76–99. doi: 10.1080/07268602.2014.875456.

Haugh M. Im/politeness implicatures. Berlin, 2015.

Holmes J. Gendered Talk at Work. Oxford, 2006.

Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Conversation analysis: Studies from the first generation / ed. by G.H. Lerner. Amsterdam, 2004. P. 13–31.

Kádár D., Haugh M. Understanding politeness. Cambridge, 2013.

Labov W. Rules for ritual insults // Language in the inner city: Studies in the black English vernacular. Philadelphia, 1972. P. 297–353.

Lakoff R. Language and woman's place // Language in Society. 1973. Vol. 2, №1. P. 25–80.

Martin P.Y. «Said and done» versus «Saying and doing»: Gendering practices, practicing gender at work // Gender and Society. 2003. Vol. 17, №3. P. 342–366. doi: 10.1177/0891243203017003002.

Mills S. Gender and politeness. Cambridge, 2003.

Mullany L. «Girls on tour»: Politeness, small talk, and gender in managerial business meetings // Journal of Politeness Research. 2006. Vol. 2, №1. P. 55–77. doi: 10.1515/PR.2006.004.

O'Driscoll J. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine // Journal of Politeness Research. 2007. Vol. 3, №2. P. 243–268. doi: 10.1515/PR.2007.011.

- Radcliffe-Brown A. R.* On joking relationships // *Africa*. 1940. Vol. 13. P. 195 – 210.
- Ridgeway C.* Gender, status, and leadership // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57, №4. P. 637 – 655. doi: 10.1111/0022-4537.00233.
- Rudneva E.* How Russians pre-request and seek assistance: a study of interaction in two communities of practice // *Russian Linguistics*. 2019. Vol. 43, №2. P. 127 – 142. doi: 10.1007/s11185-019-09211-z.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G.* A simplest systematics for the organisation of turn-taking in conversation // *Language*. 1974. Vol. 50, №4, p. 1. P. 696 – 735.
- Scollon R., Scollon S. W.* Narrative, literacy and face in interethnic communication. Norwood NJ, 1981.
- Scollon R., Scollon S. W.* Intercultural communication: A discourse approach. Malden MA, 2001.
- Sinkeviciute V.* 'What Makes Teasing Impolite in Australian and British English?' // *Journal of Politeness Research*. 2017. Vol. 13, №2. P. 175 – 207. doi: 10.1515/pr-2015-0034.
- Tannen D.* The machine-gun question as an example of conversational style // *Journal of Pragmatics*. 1981. Vol. 5, №5. P. 383 – 397.
- Tannen D.* You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. N. Y., 1990.
- Terbouraf M.* Beyond the micro-level in politeness research // *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1, №2. P. 237 – 262. doi: 10.1515/jplr.2005.1.2.237.
- West C., Lazar M. M., Kramarae Ch.* Gender in discourse // *Discourse as social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction* / ed. by T. A. van Dijk. L., 1997. Vol. 2. P. 119 – 143.

Об авторе

Екатерина Алексеевна Руднева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Россия.
E-mail: katja1985mt@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3502-4390

Для цитирования:

Руднева Е. А. Стратегии солидарности в подростковом общении // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №4. С. 72 – 88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SOLIDARITY STRATEGIES IN ADOLESCENT COMMUNICATION

Ekaterina A. Rudneva

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov Pereulok, Saint Petersburg, 199034, Russia,

Submitted on 15.02.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5

The study aims to reveal politeness strategies used in natural interaction within a particular community group. The article analyses excerpts from audio recordings of conversations of teenage male friends. The chosen interactional approach relies on Goffman's notion of

face and Brown and Levinson's model of linguistic politeness, ethnographic methods of collecting data, and conversation analysis. The case study continues the discussion of gender and age aspects of politeness realization and communication styles. The article reveals the following interactional solidarity strategies: teasing and group jokes, where participants add details to exaggerate the comic effect; ritual insults, in particular making up nicknames; synchronized speech pacing, even leading to creating spontaneous poetry. In the case of a request, the following politeness strategies and means are noted: repetition of words, both literal and with variations; increasing the volume and varying the speech rate, which express the common emotional state; decreasing the imposition with lexical means, markers of in-group identity; friend's supporting through an offer and a jokily threat, language game (rhyming and deliberate mispronouncing), politeness marker "please" and its slang equivalent "pazhe", minimizing the degree of a favour; using markers of group identity ("brother"), offering help and threatening jokingly, using puns (rhyme and deliberate change of the phonetic form of a word), and increasing volume and prosodic emphasis that express an emotional state. Participants experiment with communicative strategies, sometimes pushing the degree of their expression to the edge and turning it into a performance. Applying the solidarity strategies in a more expressive and playful way seems to be a feature of the adolescent communication style. The data analysed reveals the local, cultural (and supposedly age) specifics of employing the universal face-saving mechanism of the communication.

Keywords: linguistic politeness, solidarity strategies, conversation analysis, teasing, ritual insults, youth slang, teenagers' communication

Acknowledgements: I extend my gratitude to Roman Rudnev for his assistance in data collection and to Victoria Gulida for her insightful feedback and contributions.

References

- Arundale, R., 2010. Constituting face in conversation: face, facework and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 42 (8), pp. 2078–2105, <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.12.021>.
- Arundale, R., 2013. Conceptualizing 'interaction' in interpersonal pragmatics: Implications for understanding and research. *Journal of Pragmatics*, 58, pp 12–26, <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.02.009>.
- Batler, J., 2000. Gender trouble. In: E.I. Gapova and A.R. Usmanova, eds. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk, pp. 297–346 (in Russ.).
- Brown, P. and Levinson, S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge.
- Gapova, E.I. and Usmanova, A.R., eds., 2000. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk (in Russ.).
- Geyer, N., 2008. *Discourse and Politeness Ambivalent Face in Japanese*. London; New York.
- Goffman, E., 1967. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. In: *Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, pp. 5–46.
- Goodwin, M.H., 1990. *He-said-she-said: Talk as social organization among black children*. Bloomington.
- Grainger, K., 2011. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts. In: *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin; Boston, pp. 167–188.
- Haugh, M., 2007. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 3 (2), pp. 295–317, <https://doi.org/10.1515/PR.2007.013>.

Haugh, M., 2014. Jocular mockery as interactional practice in everyday Anglo-Australian conversation. *Australian Journal of Linguistics*, 34 (1), pp. 76–99, <https://doi.org/10.1080/07268602.2014.875456>.

Haugh, M., 2015. *Im/Politeness Implicatures*. Berlin.

Holmes, J., 2006. *Gendered Talk at Work*. Oxford.

Jefferson, G., 2004. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In: G.H. Lerner, ed. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam, pp. 13–31.

Kádár, D. and Haugh, M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge.

Kirilina, A. V. and Tomskaya, M. V., 2005. Gender studies in linguistics. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2 (23), pp. 22–43 (in Russ.).

Korbut, A.M., 2015. Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 14 (1), pp. 120–141 (in Russ.).

Labov, W., 1972. Rules for ritual insults. In: *Language in the inner city: Studies in the black English vernacular*. Philadelphia, pp. 297–353.

Lakoff, R., 1973. Language and Woman's Place. *Language in Society*, 2 (1), pp. 25–80.

Larina, T. V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The category of politeness and communication style: a comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow (in Russ.).

Martin, P. Y., 2003. "Said and Done" versus "Saying and Doing": Gendering Practices, Practicing Gender at Work. *Gender and Society*, 17 (3), pp. 342–366, <http://doi.org/10.1177/0891243203017003002>.

Mills, S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge.

Mullany, L., 2006. "Girls on tour": Politeness, small talk, and gender in managerial business meetings. *Journal of Politeness Research*, 2 (1), pp. 55–77, <https://doi.org/10.1515/PR.2006.004>.

O'Driscoll, J., 2007. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine. *Journal of Politeness Research*, 3 (2), pp. 243–268, <https://doi.org/10.1515/PR.2007.011>.

Radcliffe-Brown, A. R., 1940. On joking relationships. *Africa*, 13, pp. 195–210.

Ridgeway, C., 2001. Gender, Status, and Leadership. *Journal of Social Issues*, 57 (4), pp. 637–655, <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00233>.

Rudneva, E., 2019. How Russians pre-request and seek assistance: a study of interaction in two communities of practice. *Russian Linguistics*, 43 (2), pp. 127–142, <https://doi.org/10.1007/s11185-019-09211-z>.

Rudneva, E., 2019. Teasing as politeness strategy. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 41, pp. 97–120, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-41-97-120> (in Russ.).

Rudneva, E.A., 2016. Anthropology of politeness: cultural and local interaction norms. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 30, pp. 215–242 (in Russ.).

Sacks, H., Schegloff, E. and Jefferson, G., 1974. A simplest systematics for the organisation of turn-taking in conversation. *Language*, 50 (4–1), pp. 696–735.

Scollon, R. and Scollon, S.W., 1981. *Narrative, literacy and face in interethnic communication*. Norwood.

Scollon, R. and Scollon, S.W., 2001. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. 2nd ed. Malden.

Sinkeviciute, V., 2017. What Makes Teasing Impolite in Australian and British English? *Journal of Politeness Research*, 13 (2), pp. 175–207, <https://doi.org/10.1515/pr-2015-0034>.

Tannen, D., 1981. The machine-gun question as an example of conversational style. *Journal of Pragmatics*, 5 (5), pp. 383–397.

Tannen, D., 1990. *You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation*. New York.

Terkourafi, M., 2005. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 1 (2), pp. 237–262, <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.237>.

West, C., Lazar, M.M. and Kramarae, Ch., 1997. Gender in Discourse. In: T.A. van Dijk, ed. *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2. London, pp.119–143.

Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M.A. and Rozanova, N.N., 1993. Features of male and female speech. In: E. A. Zemskaya and D.N. Shmelev, eds. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii* [The Russian language in its functioning]. Moscow, pp. 90–136 (in Russ.).

The author

Dr. Ekaterina A. Rudneva, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: katja1985mt@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3502-4390

To cite this article:

Rudneva, E. A., 2024, Solidarity strategies in adolescent communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))